

РЕБЁНОК

– Ты, сука! Я хотел его! Ты же знаешь, как я его ждал! Чёрт бы тебя побрал! – Стас в сердцах схватил Наташу за воротник кофты и притянул к себе.

– Прости меня, – только и шептала она, – прости меня... прости меня... Слезы градом катились по её испуганному лицу, но больше ничего девушка из себя выдавить не могла.

– Ты...сука, Наташ...

Стас брёл по пустой улице, расшвыривая шелестящую под ногами листву, и думал. Думал, что ему делать дальше. Он жил с Наташей уже шесть лет. Замуж она за него выйти так и не согласилась, хотя он первое время делал попытки едва ли не каждые полгода. Она неизменно отвечала отказом. Но все эти шесть лет, пусть Наташа и отказывалась стать его законной женой, они пытались завести ребёнка. Наташе было уже под тридцать, он тоже не молодец, но не это было причиной. Стас хотел ребёнка не потому, что подошло время, не потому что у всех его немногочисленных друзей уже были дети и не потому, что его или её мать хотели внуков – ни у него, ни у его спутницы жизни не было родителей. Стас хотел ребёнка, потому что хотел. Он мечтал о малыше, которого мог бы баюкать и укладывать спать, кормить из ложечки, носить на руках, сюсюкаться с ним, играть, учить рисовать... И он никогда бы его не бросил, как это сделала с ним его мать.

Они пытались шесть лет, шесть долбанных лет, и сегодня он нашел эти документы. Ему на глаза попала её медицинская карта, когда он искал в сумочке Наташи снотворное. Она даже не удосужилась уничтожить эти записи. Четыре аборта. И последний – всего за несколько дней до сегодняшнего разговора...

Она убивала его детей... убивала его сыновей и маленьких дочек... Эти мысли крутились у него в голове, а он просто продолжал брести по пустому осеннему парку глядя себе под ноги.

Стас вернулся домой около трёх ночи. Прямо с порога к нему кинулась Наташа. Лицо её было красным и одутловатым. Видимо, она не переставала плакать.

– Я ухожу. Это конец, Наташ. Я просто больше не могу тебя видеть.

– Прости меня... прости, но ты ведь знаешь... милый, ты ведь всё знаешь! Моя мать алкоголичка, отец – наркоман последней инстанции. Сколько раз я срывалась! Сколько раз ты вытаскивал меня из баров! Ты – идиот!! Кого я могу тебе родить!?

– Это не важно. Уже ничего не важно. Ты думаешь, если меня бросили в детстве, то и я так поступил бы? Если твои родители такие, то и ты обязана быть такой!? Шесть грёбанных лет я твердил тебе, что я мечтаю о семье! Сколько раз я делал тебе предложение, чтобы ты поверила мне!? Я мечтал о настоящей семье, с детьми и вылазками в парк, с кино по воскресеньям и праздничными походами в гости! Я готов был к твоим депрессиям, бессонным ночам, да к любым проблемам! Я тебя любил! Пошла ты к чёрту, тварь, – прошипел Стас и отшвырнул девушку в сторону.

После расставания с Наташей жизнь Стаса окрасилась в черно-серые тона, забившие будни обыденностью и тягучей рабочей рутинной. Он спал четыре часа в сутки, потом вставал, выпивал чашку кофе и ехал в другую часть города на работу. Душное метро, забитое такими же душными людьми, такими же серыми как поздняя промозглая осень и словно неживыми. Пешая прогулка до здания завода, где он отстаивал

РЕБЁНОК

шестнадцатичасовую смену, и затем дорога обратно. Не замечая ничего вокруг, Стас ехал в свою малогабаритную однушку в грязном спальном районе, прикупив по дороге очередную пачку растворимого кофе и еду быстрого приготовления, ужинал и ложился спать. И так долгие полтора месяца. Его не интересовал даже тот факт, что последние квартироръёмщики превратили его милое жилище в гадюшник с засаленными обоями, сбитым кафелем и свёрнутыми кранами. Ему больше ничего не хотелось, совсем. Он больше не видел Наташу, но не переставал думать о своих нерождённых детях. Он снова и снова перебирал в мыслях имена, которые мог бы им дать; думал, кем бы они могли стать, когда выросли; какими они были бы, на кого стали бы похожи...

Были бы...

Тот день абсолютно не отличался от остальных. Разве что осеннее небо стало ещё серее и тяжелее, затянутое набухшими клубящимися тучами, гонимыми холодным ноябрьским ветром вдаль. То и дело на землю срывался колючий мелкий снег, укрывая мокрый гниющий ковёр из пожухлой зелени белоснежными крупинками, которые тут же таяли, превращаясь в грязь. Под ногами мокро чавкало.

Стас полз на эскалаторе в разинутую пасть метро вместе с унылой толпой, но мысли его были далеко от этого места. Стоя на перроне, практически у самого его края, он пытался не упасть под натиском напиральной толпы. Поток теплого затхлого воздуха, словно фантом, принес известие о приближающемся поезде и вот перед ним открылись двери, и тогда же Стаса кто-то позвал по имени. Парень замер, но толпа внесла его в нутро облезлого вагона, не дав даже оглядеться.

На заводе гул незамолкающих станков, вялые беседы на обеденном перерыве, монотонная работа и утренний случай забылся словно сон.

Рабочий день окончился и Стас вновь отправился в сторону подземки. Полтора часа тянулись очень долго и парень испытал некоторое облегчение, вывалившись на слишком стремительно обезлюдивший перрон. Станция метро за считанные минуты опустела и Стас остался в полном одиночестве.

– Как странно... – он огляделся, прислушался. Ни стука каблучков об искусственный камень, ни кашля, который стал неизменным спутником многих в столь промозглую пору, ни рингтонов звонящих мобильных. Ничего. Было совершенно тихо. Не разглядев в этом ничего необычного, Стас устало побрёл к выходу, вновь погрузившись в свои мрачные мысли, но внезапно кто-то опять позвал его по имени.

– Кто здесь? – парень оглянулся – по-прежнему никого на перроне.

– Хи-хи-хи...

– Что за чёрт! – тихо выругался Стас и быстрыми шагами направился в сторону колонны, из-за которой послышался детский смех. – Эй, малыш, ты потерялся?

– Хи-хи-хи! – вновь детский смех, звонким эхом прокатившийся по подземелью.

Стас обошел станцию, но никого не нашел.

– Наверное, успел убежать, вот сорванец.

Как ни странно, но эта ситуация немного подняла ему настроение. Дорога от метро домой заняла меньше времени, чем обычно. Ночью ему снился мальчик, которого он никак не мог рассмотреть, потому что тот постоянно прятался от Стаса за колоннами станции метро.

Утро как всегда было тяжелым. Стас долго сидел на постели и смотрел стену. Кажется, только теперь он начал осознавать, что все те шесть долгих лет жил словно в аду. Но он любил Наташу и ничего не замечал. Стас стал вспоминать практически ежемесячные поездки в отдел полиции рядом с их домом, пьяные дебоши своей пассии в местных магазинчиках, кражи всякой мелочи... Она действительно была далеко не самым

Валерия Гуляева

образцовым членом общества. И она говорила правду – кого она могла родить Стасу, и какой бы матерью она могла стать...

– Это её не оправдывает! Она могла сказать мне раньше... – Стас уронил голову на ладони и едва не расплакался. – Не оправдывает...

Кофе, необычайно холодное утро, метро, завод. Всё как обычно. Кроме того, что Стас наконец-то стал понемногу излечиваться, мрачные мысли, казалось, больше не были столь мрачными. Он успокаивал себя тем, что Наташа действительно была права, а ещё тот факт, что сроки были очень ранними. Стас искал для Наташи оправдания, чем, в свою очередь, пытался вернуть себе душевное равновесие.

– Эй, Стас, зайти-ка! – бригадир подозвал своего работника и скрылся за дверями подсобки.

– Да, начальник, что-то случилось?

– Да, случилось. Я больше не могу видеть тебя таким. Я пошел тебе на уступки два месяца назад. Но это, как я вижу, не идёт тебе на пользу.

– Максим, слушай...

– Нет! Не буду! Я твой друг! Я не хочу видеть, как ты превращаешься в живой труп! Тебе нужно развеяться, взбодриться, ты изводишь себя двойной сменой в надежде на то, что будешь думать только о работе, но ничерта такого не происходит!

– Ладно, ладно, ты прав. Только что я могу? Что я, мать твою, могу!? Я не перестаю думать о них...

– Поезжай домой, отоспись хорошенько, а завтра поговорим, идёт?

Стас подумал немного, но кивнул:

– Идёт, друг, – он протянул руку для рукопожатия.

– А теперь вали, давай! И со следующей недели ты работаешь в обычном режиме!

– Хорошо, спасибо, дружище... – но это Стас сказал уже скорее самому себе. Ему на мгновение показалось, что всё действительно стало приходить в норму, что жизнь начинает потихоньку вновь обретать цвета.

Вечером его разбудил мобильный. Звонил Максим.

– Да... да, – Стас прокашлялся, в горле першило, хотелось пить. – Что?.. да брось, ну куда... ладно... да, ладно, сказал же! Буду через час... до встречи.

– Стас, давай, садись, мы все тебя ждём! – Макс похлопал друга по спине и усадил рядом. Перед ним тут же поставили кружку темного пенящегося пива. И Стас расслабился.

Большинство людей, сидевших за столом, были ему знакомы. Компания шумно отдыхала в одном из недорогих баров города. В таких подавали недорогое, но не самое вкусное пиво, незамысловатые закуски типа сухариков и всевозможных чипсов. Хотя, при желании клиента, бар предлагал салаты и некоторые вторые блюда, купленные в ближайшей кулинарии и перепродаваемые тут. В общем, не самое фешенебельное заведение, рассчитанное на средний рабочий класс, выходцами коего и являлся Стас и его друзья.

– Ты куда? Постой, ты уже уходишь? – Макс явно хватил лишку и теперь стоял, раскачиваясь, у стола, размахивая кружкой и горланя какие-то матерные частушки.

– Сейчас вернусь...

Голова шла кругом, Стас едва смог различить, кто нарисован на двери в туалет.

– Вот чёрт... на кой было столько пить... – он стоял над умывальником, опершись лбом о зеркало. Его тошнило.

– Хи-хи-хи... – смех послышался чётко, словно бы не играло в туалетной комнате никакой музыки, которая, к слову сказать, была ничуть не тише, чем в самом зале бара.

РЕБЁНОК

– Что за? – парень медленно обернулся, его покачивало, в глазах всё расплывалось. – Что смешного, уроды? Эй!

– Хи-хи-хи... – смех вновь эхом прокатился по небольшой комнате и затих.

– Кто здесь? – Стас отступил от зеркала и подошел к одной из кабинок. – Э-э-эй... – он легонько толкнул дверь, за ней никого не оказалось. И снова смех, совсем рядом. Вторая кабинка тоже оказалась пуста. Стас медленно потянулся к следующей...

– Ты в порядке? – входная дверь громко грохнула о кафельную стену и в туалет ввалился Влад, друг Макса. И в это же мгновение дверь кабинки, у которой стоял Стас, отворилась и мимо ног парня проскочил мальчишка.

– Стой! Ты как сюда попал!? – Стас кинулся вслед за ребенком и на выходе столкнулся ещё с двумя парнями.

– Ты чё, совсем ослеп? – здоровый парень, больше похожий на быка, пхнул Стаса плечом.

– Да нет, ребят, я это... там ребёнок, мальчик...

– Ты больной? Откуда тут дети? – «бык» и его дружки захохотали.

– Стас, всё нормально? Проблемы, ребят?

– Макс, там мальчик, я его уже видел...

– Да-да, пойдём. Ребят, ну вы не видите, что ли – мой друган допился до чёртиков. Бывает ведь со всеми. Ну, пошли, давай, пойдём.

Дальше Стас плохо воспринимал происходящее. Он помнил, как друг посадил его в такси, назвал адрес. Потом вновь провал и кто-то тормошит его за плечо. Слова доносятся откуда-то издалека:

– Приехали, вставай, приехали!

– Что? А, да-д... а это кто? – Стас вперился мутным взглядом в расплывающуюся фигуру, сидевшую рядом с ним.

– Давай выходи уже! У меня вызов! – водитель явно начинал раздражаться.

– Но... – Стас снова взглянул на соседнее сидение, фигуры и след простыл.

Он вывалился из такси и плюхнулся в лужу, поскользнувшись на мокрой жиже из снега и грязи. Его разобрал нервный смех. Давненько Стас так не «отдыхал». Если задуматься, то он, в принципе, так никогда не отдыхал. Раньше мог максимум выпить с парой друзей бокал пива после работы. Даже Макс не удавалось вытащить его из дому дольше, чем на пару часов. Теперь же Стаса ничего не сдерживало и ему показалось, что иногда он имеет право на такой своеобразный «отдых».

Пока Стас взбирался вверх по лестнице в свою квартиру, ему продолжал мерещиться звонкий детский смех.

Работу он, как и ожидалось, проспал. Встал около полудня, позвонил начальнику, взял отгул и решил отправиться на прогулку. Голова всё ещё гудела. Пришлось зайти в кафе рядом с домом и нормально пообедать. Супы быстрого приготовления уже стали порядком надоедать.

– Счёт можно?

– Да, подождите немного, – девушка в синем переднике, проходя мимо его стола, поставила на его столик чай и понеслась с подносом дальше.

Стас пил горячий ароматный напиток и лениво осматривал зал кафе. Обычные люди, обычный день...

Взгляд зацепился за грязно-белый свитер. Он мелькал между столами, под столами, выскакивал из-за стойки. Похоже, ребёнок. И никого не интересовало, что ребёнок бежит по всему кафе, ползает под столиками и забегает туда, куда обычным посетителям вход

Валерия Гуляева

был воспрещён. Но как только Стас фокусировал на нём всё своё внимание, над ухом проносился смешок и свитер исчезал из поля зрения.

– Да что же такое... Бред какой-то...

Стасу начало казаться, что это был тот же самый ребенок, который прятался от него на станции метро, выскочил под ноги в мужском туалете бара и ехал с ним в такси. Зачем ребёнку преследовать взрослого человека? Стас рассчитался, оставил немного чаевых и поспешил покинуть кафе. На улице шел снег, он поднял воротник пальто и побрёл вдоль витрин магазинов. Парень думал о последних нескольких днях и решил, что стоит позвонить Наташе. В трубке послышались длинные гудки. Стас набирал несколько раз, но она так и не ответила.

– Значит так и надо...

Впереди вновь замаячил грязный белый свитер.

– А ну стой! погоди!

Стас рванул вслед за ребёнком, расталкивая плетущихся перед ним людей. Кто-то возмущался ему вслед.

– Сто-о-ой говорю! – Стас то и дело терял ориентир, но каждый раз, когда он останавливался, думая, что потерял след, свитер вновь оказывался впереди. Ребёнок словно дразнил его. И всё же Стасу удалось немного разглядеть его. Свитер был вовсе не свитером, и брюки такого же грязно-белого цвета, тоже были не брюками. Одевание на ребёнке оказалось балахоном или курткой слишком не по размеру, грязным, в потёках и с капюшоном, от чего нельзя было разглядеть ни фигуры, ни волос, даже пол ребёнка было понять трудно. Через 15 минут бессмысленной гонки Стас заскочил в подворотню и уперся в тупик. Но он точно видел, что беглец заскочил именно сюда.

Смешок раздался прямо за спиной. Стас дёрнулся и резко обернулся. Сзади никого не оказалось.

– Я схожу с ума.

– Нет...хи-хи-хи... – тихий голос и вновь звонкий смех.

– Ты потерялся, почему ты преследуешь меня!?

– Нет...хи-хи...

– Ты где? Я могу помочь, отведу тебя в участок! – Стас постоянно оглядывался, но никого так и не заметил.

Домой он возвращался так же – бегом. Там он заперся на все замки и решил, что всему виной перенапряжение. Он принял холодный душ и решил выспаться. Наташа трубку так и не взяла.

Следующее утро было чудесным. Стас почувствовал себя бодрее, он определённо выспался и на работу отправился в прекрасном настроении. Уже выходя из вагона метро на своей остановке он заметил знакомый белый балахон – ребёнок юркнул в разношерстную толпу, высыпаящуюся из соседнего вагона.

В этот день он мерещился ему постоянно. Этот чёртов ребёнок выскакивал из шкафчиков в раздевалке, прятался за гремящими станками, смешивался с толпой рабочих, когда те шли на обед. И Стас тоже шел, чтобы разглядеть ребёнка между снующими по открытой кухне поварами.

– Мне картошку, суп и лимонный чай, – Стас продиктовал заказ и потянулся за пышной сдобой, лежащей на подносе. – Вот чёрт! – на пол полетел пустой поднос, загремели столовые приборы.

– Стас?

– Он меня схватил! За руку! Схватил!

– Кто?

– Да пацан ваш! Что вообще ребёнок делает на кухне!

РЕБЁНОК

Стас стоял посреди толпы голодных работяг и брезгливо потирал запястье. Рука ребёнка показалась ему одновременно и холодной и обжигающе горячей. Кожа её была синюшная, сморщенная, словно по-старчески иссушенная, но в то же время противно скользкая.

– Пить меньше надо, – пробурчал кто-то из толпы и все стали разбредаться.

Чья-то ладонь легла на плечо Стаса и он непроизвольно дёрнулся. Всё ещё держась за запястье, он выскочил из столовой и понесся на остановку. Потом вспомнил, что все его деньги и телефон остались в подсобке в чистой одежде. Но возвращаться туда желания не было и тогда он двинулся вдоль улицы куда глаза глядят.

Стас бродил по городу до позднего вечера, пока окончательно не замёрз: роба практически не держала тепло, ноги были мокрыми по колено. По счастливой случайности его взгляд зацепился за синюю табличку на ничем непримечательном подъезде.

Сегодня Стас будет ночевать в полицейском участке...

– Хи-хи-хи... – Стаса посреди ночи разбудил уже знакомый смех.

Он ввалился в участок около часа ночи. Сейчас настенные часы показывали четверть четвертого. Где-то вдалеке слышались мужские голоса – наверное, дежурных.

В камере он был один, но что-то же его разбудило. Стас огляделся. Пусто, тихо, никого, кроме него и...

Как только глаза его немного привыкли к полутьме, в углу камеры стали чётко выделяться очертания белого куля. Может он не заметил его, когда его привели? Нет. Он огляделся, в камере было совершенно пусто. И, словно в подтверждение его слов, куль шевельнулся.

– Я сошел с ума... – Стас задохнулся и осел обратно на скамью.

– Нет... хи-хи-хи...

– Что тебе от меня надо? Как ты сюда попал?

– Играть...хи-хи-хи... – детский голос звучал бесцветно и безразлично, но от смеха стыла кровь.

– Иди играй с кем-нибудь другим!

– Ты звал играть, – ребенок обернулся и впервые Стас смог рассмотреть его лицо. Стаса передёрнуло и ему захотелось забиться глубже в угол. Вряд ли можно было назвать лицом клубящуюся черноту, рассечённую широкой белоснежной полоской, которая то исчезала, то появлялась вновь. Ребёнок улыбался.

– Э-э-эй! Есть кто!? Выпустите меня!

– Играть... – существо в белом балахоне полностью обернулось, выворачивая конечности через плечи, и теперь медленно ползло в сторону Стаса. – Ты звал играть... хи-хи-хи.

Одежда на «ребёнке» был вовсе не балахоном, это вовсе не было одеянием. То, что Стас принимал всё это время за одежду, было кожей уродца. Она свисала тяжелыми складками, шелестя, будто палая листва, обрамляла тонкие руки и ноги наплывами как рюшами, и колыхалась...

Стас вскочил на ноги и стал биться в решетчатые двери камеры:

– Выпустите меня!

– Ты... ЗВАЛ...ИГРАТЬ! – голос теперь вовсе перестал быть детским: оно хрипело, сипело, стонало и подползало всё ближе, вытягивая бледные руки из-под складок кожи и оставляя бороздки от ногтей на бетонном полу камеры. – Ты...ЗВАЛ...ИГРАТЬ!! – в зияющем вместо лица провале вспыхнули два уголька.

– Я не зва-ал! Не звал! Уходи-и-и!

Валерия Гуляева

– Ты чего орёшь там!? – широкий желтоватый прямоугольник рассек темноту коридор и из дальнего его конца Стаса кто-то окликнул. – Да сто процентов наркоман! Я же вам говорил! Ну-ка заткнись! Ты тут не один сидишь, – ворчание полицейского удалялось в месте со стремительно истончающейся полосой яркого света, впущенного дежурным из приёмной.

–Нет – нет – нет! Пойдите! Нет!!

Но яркий свет в конце коридора погас окончательно. Голос Стаса сорвался на визг и сознание его померкло в то мгновение, как холодная осклизлая ладонь псевдоребёнка обхватила его лодыжку.

– Вот чёрт! – полицейский отшатнулся и его вырвало прямо на пол камеры.

– Он же кричал ночью. Черкашин, ты же говорил, что он кричал ночью. Даже запись в журнале есть, что он жив-здоров, да еще и орал как псих! Черкашин!?

– Да я... я не-не-е-е знаю, товарищ капитан... Я... – дежурный силился подавить новый рвотный позыв, лицо его было белее снега и теперь стремительно становилось зелёным.

– Я! Я! Чего ты блеешь как овца! Да у него лицо откушено! Чем он мог кричать!?!...